

Муравьев-Амурский Валериан Валерианович

**Граф Николай Николаевич
Муравьев-Амурский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В15

В15 **Валериан Валерианович М.**
Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский / Муравьев-Амурский Валериан Валерианович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 60 с.

ISBN 978-5-519-98183-5

ISBN 978-5-519-98183-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ровно восемнадцать лѣтъ тому назадъ, а именно 30-го мая 1891 года была торжественно открыта въ Хабаровкѣ, нынѣ Хабаровскѣ, статуя покойнаго моего дяди, Графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, воздвигнутая на средства, собранныя всенародной подпиской.

Годъ назадъ, т. е. 16 мая 1908 года, въ день полувѣкового юбилея присоединенія къ Россіи по Айгунскому трактату Амурской и Уссурійской страны, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ почтилъ память Графа Амурскаго пожалованіемъ имени завоевателя Амура Хабаровскому кадетскому корпусу и 2-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому полку.

Въ нынѣшнемъ, 1909 году, а именно 9-го августа, истекаетъ сто лѣтъ со дня рожденія этого великаго русскаго дѣятеля.

Ко времени открытія памятника въ Хабаровкѣ былъ выпущенъ трудъ Барсукова „Матеріалы для біографіи Графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго“. Для этого труда мною была составлена статья, касающаяся участія дяди моего въ польскую войну въ 1831 г. До передачи работы моей Барсукову я (въ то время молодой капитанъ генеральнаго штаба) представилъ ее бывшему своему профессору, А. К. Пузыревскому, который вполне ее одобрилъ.

Къ сожалѣнію, при отпечатаніи книги Барсукова, моя статья подверглась столь значительнымъ урѣзкамъ и искаженіямъ, что я ее почти не узналъ. Статья эта представляетъ цѣльный, законченный очеркъ изъ этой интересной кампаніи, а именно дѣйствія отряда Е. А. Головина противъ Хржановскаго и Ромарино.

Дядѣ моему, бывшему тогда адъютантомъ Головина, еще не было полныхъ 22-хъ лѣтъ, когда пришлось исполнять порученія обыкновенно даваемые уже опытнымъ офицерамъ генеральнаго штаба. Его не только посылали дѣлать самостоятельныя рекогносцировки, но даже и для личныхъ переговоровъ со старыми польскими генералами. (Это была его уже вторая кампанія, первая была въ Турціи въ 1828—29 г. г., въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ офицера Л.-Гв. Финляндскаго полка).

Послѣ польской войны дядя уходитъ въ отставку и нѣсколько лѣтъ управляетъ аренднымъ имѣніемъ своего отца, Стоклишками, въ Троцкомъ уѣздѣ.

Въ 1895 году я былъ въ Стоклишкахъ, участвуя въ полевой поѣздкѣ генеральнаго штаба. Мнѣ удалось найти двухъ стариковъ, еще помнившихъ дядю, которые рассказали мнѣ нѣкоторыя черты изъ его жизни тамъ: онъ обыкновенно по полямъ имѣнія ѣздилъ верхомъ въ сопровожденіи большой собаки; ѣздилъ всегда безъ дорогъ, а какъ ему было ближе; передъ рѣчками не останавливался, не искалъ брода, но прямо въѣзжалъ въ воду, при чемъ часто приходилось переправляться вплавь. Онъ открылъ въ Стоклишкахъ отличный ключъ чистой воды, который до сихъ поръ служитъ для мѣстныхъ жителей. Благодаря прекрасному знанію польскаго языка дядя былъ желаннымъ гостемъ въ домахъ окрестныхъ польскихъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе, что отчужденія между русскими и поляками въ то время почти не было.

Самъ я помню дядю съ 1867 или 68 г., когда онъ прѣѣхалъ къ намъ въ Никольское, имѣніе первой жены моего отца, въ 70-ти верстахъ отъ Москвы.

Помню дядю въ генеральскомъ сюртукѣ, сидѣвшаго въ корридорѣ у входной двери, онъ взялъ меня за руки и что то мнѣ говорилъ. Это было его послѣднее свиданіе съ моимъ отцомъ, съ которымъ онъ былъ связанъ нѣжною дружбою съ дѣтства.

Вотъ что впослѣдствіи рассказывалъ мнѣ дядя: „Когда мнѣ было 9 лѣтъ, а брату Валеріану (отцу моему) 7, насъ отдали въ Петербургъ въ пансіонъ Годеніуса; я былъ очень маленькій и легкій и большой шалунъ. Я часто приходилъ въ свободное время въ прихожую, гдѣ наши учителя оставляли свои зонтики, тамъ я выбиралъ самый большой изъ нихъ и затѣмъ подымался на крышу нашего одноэтажнаго пансіоннаго дома, гдѣ раскрывалъ зонтикъ и, держа его какъ парашютъ, соскакивалъ на землю, товарищи стояли внизу и всегда смотрѣли, какъ я это дѣлалъ. Каждое воскресенье отправляя насъ въ пансіонъ, отецъ нашъ давалъ намъ по 60 вишенъ съ наказомъ ѣсть по 10 въ день, на всѣ 6 дней недѣли; но мы съ твоимъ отцомъ обыкновенно съѣдали ихъ въ первый же день, такъ что во вторникъ были уже безъ вишенъ. Потомъ насъ отдали въ Пажескій корпусъ. Насъ часто возили ко Двору. Тогда насъ завивали, пудрили и тамъ мы стояли при дверяхъ. Однажды твой отецъ, которому было около 10-ти лѣтъ, находясь на службѣ въ Зимнемъ дворцѣ, пошелъ по заламъ и вдругъ увидалъ араповъ, которые стояли у внутреннихъ покоевъ,—онъ никогда не видалъ раньше черныхъ людей, страшно испугался и убѣжалъ. Я былъ произведенъ въ камеръ-пажи 15-ти лѣтъ и былъ первымъ въ классѣ, но раньше 18-ти нельзя было сдѣлаться офицеромъ и я 3 года пробылъ камеръ-пажомъ и все это время состоялъ при Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

Помню наше представленіе АЛЕКСАНДРУ I, когда насъ произвели въ камеръ-пажи. ГОСУДАРЬ не любилъ пажескій корпусъ и мы это знали. Насъ привезли во дворецъ и поставили въ рядъ; АЛЕКСАНДРЪ I-й вышелъ къ намъ, посмотрѣлъ на насъ въ лорнетъ и сказалъ: „Здравствуйте господа камеръ-пажи“; этимъ ограничилось наше представленіе.

Наша служба при Дворѣ требовала почти ежедневнаго нашего присутствія, мы ѣздили верхомъ за экипажемъ нашей Великой Княгини, стояли за ея стуломъ во время обѣда, и прочее.

Однажды, это было вскорѣ послѣ 14-го Декабря, я стоялъ за стуломъ Елены Павловны, которая обѣдала у ГОСУДАРЯ. Николай Павловичъ сидѣлъ не далеко отъ нея по другую сторону. Во время стола Государю подали какую то бумагу; прочтя, онъ протянулъ ее черезъ столъ Императрицѣ. Бросивъ на нее взглядъ она воскликнула: „encore un Mouravieff!“ Въ эту минуту я смотрѣлъ на Государя и увидѣлъ, какъ онъ глазами показалъ Императрицѣ на меня, точно хотѣлъ сказать, чтобы она была осторожнѣе, такъ какъ здѣсь присутствуетъ одинъ изъ Муравьевыхъ. Я конечно понялъ, что Государю сообщили объ арестѣ одного изъ нашихъ родичей, которыхъ много было замѣшано въ дѣлѣ Декабристовъ“.

Нѣкоторые изъ фактовъ, приведенныхъ въ статьѣ о кампаніи 1831 г., я знаю со словъ дяди,—такъ онъ мнѣ рассказывалъ о томъ, какъ узналъ Чарторійскаго у Ромарино, какъ присутствовалъ при открытіи польскихъ знаменъ подъ полями казематовъ въ Модлинѣ и многое др.

Какъ я уже упомянулъ, послѣ польской войны дядя уходитъ на долго въ отставку, затѣмъ опять возвращается на службу уже въ концѣ 30-хъ годовъ, и идетъ служить на Кавказъ, одновременно съ братомъ своимъ Валеріаномъ (моимъ отцомъ).

На Кавказѣ онъ вновь раненъ, 30-ти лѣтъ произведенъ въ генералы и, послѣ назначенія Князя Воронцова намѣстникомъ, принужденъ оставить Кавказъ.

Замѣчательно совпаденіе судьбы дяди моего и его двоюроднаго дяди, также Николая Николаевича Муравьева (Карскаго),—послѣдній тоже ушелъ съ Кавказа изъ за Паскевича, и оба Николаи Николаевичи Муравьевы потомъ прославили себя на востокѣ же: Муравьевъ (Карскій) покореніемъ Карса, а дядя присоединеніемъ къ Россіи Амура и Уссури и основаніемъ городовъ Благовѣщенска, Николаевска и Владивостога.

Дядя не былъ въ военной академіи, но недостатокъ высшаго военного образованія, правда довольно скуднаго въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ восполнилъ чтеніемъ и опытомъ трехъ войнъ: турецкой, польской и кавказской, причемъ въ польскую, имѣя 22-года отъ роду, исполнялъ фактически обязанности офицера генеральнаго штаба.

На Кавказѣ дядя уже является въ роли частнаго начальника и проявляетъ большую самостоятельность и инициативу въ операціяхъ противъ горцевъ и въ сношеніяхъ съ ними.

Наконецъ, въ 1847 году, въ возрастѣ лишь 38-ми лѣтъ, онъ является на „поприщѣ огромномъ“, какъ писалъ онъ моему отцу: въ роли генераль-губернатора Восточной-Сибири, и здѣсь его боевой опытъ, энергія, работоспособность и пріобрѣтенныя свѣдѣнія даютъ ему побѣду какъ въ Петербургѣ надъ бюрократическою косностью нашего дипломатическаго вѣдомства, такъ и надъ вдвое сильнѣйшимъ врагомъ въ 1854 и 55 г. г. Стратегическій очеркъ этой замѣчательной кампаніи я помѣщаю въ концѣ этого труда. Этотъ очеркъ былъ мною составленъ въ видѣ военно-историческаго образца при представленіи мною въ 1891 году послѣ поѣздки во Владивостокъ, на Сахалинъ и на Амуръ, начальнику главнаго штаба, Н. Н. Обручеву, записки объ оборонѣ Дальняго Во-

стока. Въ настоящее время многое столь рѣзко измѣнилось, что печатаніе всей записки уже не представляетъ болѣе секрета, но она довольно интересна, какъ картина положенія нашего на Дальнемъ Востокѣ 30 лѣтъ послѣ моего дяди и за 13 лѣтъ до нашей войны съ Японіей. Краткій же стратегическій разборъ операціи дяди всегда сохранить значеніе, какъ, примѣръ вѣрной оцѣнки обстановки на обширномъ театрѣ принятіе не только цѣлесообразныхъ рѣшеній, но даже такихъ, на которыя не въ ту только пору, но и много позже, не осмѣлились бы рѣшиться и болѣе высоко поставленныя лица.

Выводъ флота изъ Петропавловска въ устье Амура, по личному приказанію дяди, есть настолько необычное проявленіе личной инициативы въ Россіи, что 25 лѣтъ спустя послѣ этого знаменательнаго факта, т. е. въ 1881 году, сей-часъ же послѣ смерти дяди, Великій Князь Константинъ Николаевичъ говорилъ слѣдующее вдовѣ его, нынѣ покойной, Графинѣ Екатеринѣ Николаевнѣ, посѣтивъ ее въ Парижѣ, послѣ похоронъ ея мужа: „*Ce que votre mari a fait en ordonnant de son propre chef à notre flotte de quitter Petropavlofsk en 1855, et de se rendre dans l'Amour est inouï — je n'aurais jamais osé risquer une pareille chose sans un ordre supérieur*“.

Какъ подобный, хотя и гораздо меньшій по стратегической важности фактъ — есть посылка, въ 1849 году, Княземъ Паскевичемъ дивизіи Паниютина на помощь Австріи, не выжидая на то повелѣнія Императора Николая I. Паскевичъ очень гордился такою своею смѣлостью и съ удовольствіемъ рассказывалъ объ этомъ впослѣдствіи.

Ближайшія событія вполне оправдали смѣлое рѣшеніе этихъ двухъ знаменитыхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей — но, вѣроятно, ихъ инициатива мало извѣстна, ибо аналогичные историческіе моменты въ послѣдующее время не даютъ къ сожалѣнію подобныхъ примѣровъ.

Замѣчательно еще одно крупное проявленіе самостоятельности дяди моего въ весьма щекотливыхъ обстоятельствахъ—это его отношеніе къ Декабристамъ. Не только они пользовались въ его управленіе всякими льготами, но онъ первый ихъ посѣщалъ, когда бывалъ въ мѣстахъ ихъ ссылки. Но посѣщалъ ихъ не какъ начальникъ — а какъ равный, съ уваженіемъ относящійся къ ихъ страданіямъ. Императоръ Николай Павловичъ проявилъ величіе своей души, когда на доносѣ Иркутскаго губернатора, Пятницкаго, объ отношеніи дяди къ Декабристамъ написалъ: „Муравьевъ меня понялъ“.

Императоръ Николай I, несмотря на весь свой абсолютизмъ умѣлъ цѣнить иногда проявленіе самостоятельности и все свое царствованіе благоволилъ къ дядѣ моему и поддерживалъ его въ великомъ дѣлѣ присоединенія Амура противъ могущественнаго петербургскаго противодѣйствія.

Не надо забывать, что это было въ концѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. во время сильнаго политическаго сотрясенія всей Европы.

Этотъ губернаторъ Пятницкій былъ замѣчателенъ по своей наивности, если не сказать болѣе—въ своемъ доносѣ онъ между прочимъ указалъ на гербъ нашъ, какъ на признакъ красныхъ убѣжденій своего прямого начальника: „И въ гербѣ моемъ, писалъ онъ, даже корону проткнулъ мечомъ и стрѣлой“. Почтенный Пятницкій очевидно не подозрѣвалъ что въ русской геральдикѣ дворянская корона съ вложенными въ ней накрестъ мечомъ и стрѣлой есть одинъ изъ признаковъ коренного древне-русскаго происхожденія.

Изъ декабристовъ дядя былъ близокъ особенно съ семьей Волконскихъ. Въ Ноябрь 1881 года, въ день первой панихиды по дядѣ, который скончался 18-го Ноября — Князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій, сынъ Декабриста, подошелъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ сказалъ: „Я гораздо болѣе Васъ обязанъ покойному Графу“. Князь Михаилъ Сергѣевичъ

не забылъ всего того, что когда то сдѣлалъ для него и для его семьи Графъ Амурскій, и онъ былъ самымъ энергичнымъ дѣятелемъ по дѣлу о постановкѣ памятника дядѣ въ Хабаровкѣ и изданію „Матеріаловъ“ для его біографіи подъ редакціей Барсукова.

Но не къ однимъ только Декабристамъ относился дядя мой со своею замѣчательною сердечностью — такимъ же вниманіемъ и заботливостью пользовались отъ него и ссыльные поляки 1831 года. У меня есть бюваръ, поднесенный ему благодарными женами ссыльныхъ поляковъ, на которомъ съ одной стороны вышитъ по красному бархату бѣлый польскій орелъ, а съ другой по польски надпись: „Графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому“.

Сегодня, 16-го Мая, когда я пишу эти строки моихъ личныхъ воспоминаній о покойномъ дядѣ, есть день 51-й годовщины Айгунскаго трактата. 16-е число дяди мой считалъ своимъ особо завѣтнымъ числомъ — онъ былъ дважды раненъ, въ Польшѣ и на Кавказѣ, и оба раза 16-го; Айгунскій договоръ онъ пожелалъ заключить непременно 16-го и, странное совпаденіе — его прахъ покойся на Монмартрскомъ кладбищѣ въ Парижѣ въ 16-мъ отдѣлѣ онаго. Но вещь еще болѣе курьезная — это число перешло и на меня, его наследника. Мнѣ было лишь 9 лѣтъ, когда послѣ смерти моего отца, дядя написалъ Императору Александру II свое замѣчательное по мотивировкѣ письмо съ просьбой о передачѣ своего титула и прозвища мнѣ — своему второму племяннику. Письмо это, какъ говорилъ мнѣ Графъ К. И. Паленъ, должно храниться въ Сенатѣ, какъ это повелѣлъ Государь Александръ Николаевичъ, передавая его министру юстиціи, коимъ въ 1870 году былъ именно Графъ Паленъ. Послѣ кончины дяди Императоръ Александръ III, 16-го Іюля 1882 года, соизволилъ на принятіе мною титула графа Амурскаго,

Объ этомъ значеніи для него 16-го числа дядя мнѣ не разъ говаривалъ еще въ 1874 году, когда я тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ жилъ у него въ Парижѣ. Я хорошо это запомнилъ и былъ пораженъ, когда число это перешло и на меня. Вотъ почему, когда родился мой старшій сынъ, я крестилъ его 16-го же Мая, въ день сороковой годовщины присоединенія къ Россіи Амура. Такимъ образомъ и третій Графъ Амурскій уже получилъ связь съ числомъ и даже мѣсяцемъ, который далъ ему его имя.

Я помѣщаю въ этой книгѣ портретъ моего дяди, совершенно неизвѣстный публикѣ. Это прекрасная акварель Осокина, писанная имъ съ натуры около 1840 года, т. е. когда дядѣ было 30—31 годъ. Онъ только что произведенъ въ генералы и рука у него, раненная на Кавказѣ, на перевязи. По возрасту этого портрета дядя ближе всего подходитъ къ эпохѣ войны 1831 года. Этотъ портретъ принадлежалъ моему отцу и всегда находился у него въ кабинетѣ. Болѣе ранній портретъ — профиль дяди, въ бытность его камеръ-пажемъ, находится въ музеѣ Пажескаго корпуса. Затѣмъ есть цѣлый рядъ его литографированныхъ портретовъ въ сибирской казачей формѣ; чудная парижская литографія середины 60-хъ годовъ, гдѣ онъ въ штатскомъ и, наконецъ, знаменитый его портретъ, писанный въ 1864 году К. Е. Маковскимъ, за который авторъ его получилъ званіе академика. Портретъ этотъ былъ написанъ Маковскимъ въ двухъ экземплярахъ—одинъ находится въ иркутскомъ благородномъ собраніи, а другой былъ приобретенъ Н. П. Аносовымъ, большимъ почитателемъ дяди; послѣ же его смерти купленъ В. И. Базилевскимъ, другимъ его почитателемъ; въ 1897 году В. И. Базилевскій прислалъ его мнѣ, какъ свадебный подарокъ. Я его выставлалъ на выставкѣ русскихъ историческихъ портретовъ въ 1905 году въ Таврическомъ дворцѣ. Красный Крестъ воспроизвелъ его на своихъ открытыхъ письмахъ.

Заканчивая эти строки я не могу не упомянуть одного назидательнаго обстоятельства въ жизни моего дяди — онъ прибылъ на свое генераль-губернаторство въ Восточной Сибири безъ копѣйки собственныхъ денегъ; изъ своего жалованія помогалъ первые годы чиновникамъ, и тратилъ его на свои первыя поѣздки по Сибири, послужившія для дальнѣйшихъ его плановъ распространенія владычества Россіи. Послѣ почти 14 лѣтъ управленія краемъ онъ уѣхалъ оттуда лишь съ 30000-ю рублей, которые скопилъ изъ своего же жалованья. Въ то время, какъ всякимъ второ-и-третьестепеннымъ дѣятелемъ раздавались маіораты и имѣнія въ Западномъ краѣ и на Кавказѣ—дядя мой никогда не хотѣлъ даже напомнить о себѣ Высшему Правительству. Дай Богъ, чтобы сынъ мой, а его внучатый племянникъ и носитель его славнаго имени въ своей жизни проникся великимъ примѣромъ благородства, безкорыстія, великодушія, отваги и самоотверженія, которые всегда и вездѣ отличали этого вѣрнѣйшаго слугу Отечества и Престола.

Графъ В. Муравьевъ-Амурскій.

Крѣпость Новогееоріевскъ 16-го Мая 1909 года.
